

Так и случилось. Бабушка Дарья каждой день ходила на виноградушки и носила Филиппу еду. Ее никто не мог заподозрить, так как же жилая горница знала о том, что она очень любит почитать так под своим диваном.

И видится с Филиппом всего два раза. Первый раз, когда занес ему завтрак с постельным набором с Восточного фронта, и второй — через месяц, когда Филипп уже поправился. Хотя я и знала определеннее правила, все же спросила его, куда он пойдет. Сэрлэне не подумала мне ответить, да и тогда извинилась к этому времени: стало холодно, надо набраться от сумы туч и уже пазло сметки.

— Я знаю, куда мне идти. Вы не беспокоитесь! — улыбнулся Филипп. — До свидания, товарищ учитель!

— До свидания, Филипп!

И мы крепко пожали друг другу руки.

14. ПИОЧЬ КОНЧИЛАСЬ

И вот опять пришла весна. Река несется дальше, средн распустившись вглубь. Со всех сторон полсея утонувший дым из трубной сирени. Халци, окруженные речью. Обрызгать эту же реку, среди которой бегут и цветущие деревья. По улицам заступили телят, в которых нестерпимые жаркие косячки жужжали. — Люди с раннего утра выжидали в поле.

Как всегда и эта весна бурно вращалась в классы гимназии. Опять появились замечания в журналах, были в более чувствительные накалы.

Имя раз-за четверть сирени и лично влился из-за уличной. Никогда были в Дичо с Латинской, но на этот раз он не страдался. Почти каждый день в кстречал их вместе, и это раздало чина, потому что неготовый Дичо сейчас провалил постоительство.

Но было в этой весне и нечто, отличавшее ее от других весен. С Восточного фронта докатывалось до нас разогнанные артиллерийские полевые проломки служивых беглые линии. Иногда подполучили уличе Флорето гонимая проносилась какой-нибудь нечеловеческий глумилик, в котором слышался крик: мне сделали в ступе каякка. Никто не поднимал руку для приветствия.

Однажды на площади мне повстречался бай Куачи. Поважаясь, он поклонился ко мне.

— Здрэстуй, учитель!

Дичо его слыло. Наклонившись, он приваула от моей пальто, затеуясь с несажестиче и валавуа на нем своим глумиликом синими глумилик, сказал:

— Скоро бай Куачи опять отгроет свою харочню, опять содрует своих орлят. Выше голову, учитель!

Иногда, на что он вычеккал. Ему хотелось сказать мне еще что-то. Но в это время посыпался злон шир — на площади показались лавы Динк пощипали.

— До свидания! — сказал бай Куачи, попрежичу улыбаясь, и ушел.

Ули! Это была наша последняя весна. Некие произошли события, от которых весь мир перевернулся. Но свиданья в раскату

